

АЛЕКСАНДР ПОНОМАРЁВ

Наш принцип

Алексея кто-то осторожно потряс за плечо. Он открыл глаза. На него, улыбаясь, смотрело загорелое бородатое лицо.

— Хас-Магомед, — Лёша тоже улыбнулся в ответ.

— Узнал?

— Ещё бы не узнать тебя, дружище! Ты же меня два часа на плечах нёс.

— Ну ничего. Как спина?

— Побаливает ещё. — Алексей неловко повернулся, в спине что-то хрястнуло и заболело так, что захотелось опять провалиться в глубокий и крепкий сон.

Лёша невольно застонал и огляделся. В больничной палате все койки были заняты, раненых было много, некоторые кровати вынесли в коридор.

— Слушай, — зашептал ему в ухо Хас-Магомед, — около Хасавюрта люди видели крупные банды боевиков. Пока федералы и наше ополчение ушли вглубь Чечни, они планируют здесь проведение терактов. Не исключено, что захватят больницу. Я тебе тут принёс, если что, будет чем себя защитить. — И он положил Лёше под подушку свёрток.

Алексей сунул туда руку и ощутил в ладони тяжесть и металлический холод оружия. На ощупь пистолет казался не очень большим, но сразу внушал чувство уверенности и защищённости. Воронёный ствол был бережно завёрнут в холст.

— Спасибо, друг!

— Не за что, — дагестанец с улыбкой отвернулся. — Ты один здесь? Остальные ваши с тобой?

— Колюху вертушкой сразу же в Махачкалу отправили. Он самым тяжёлым оказался, а старлей Михеев здесь. В офицерской палате. Помнишь Михеева?

— Помню, — Хас-Магомед поморщился, — помню этого героя.

Как же не помнить взводного Михеева! Когда бойцы выходили из горящего села, он больше всех суетился и с тревогой осматривал раненых, как будто прикидывал, кого можно бросить, а кто пригодится.

Старший лейтенант Михеев запомнился Лёхе ещё в лагерях под Новочеркасском, где их готовили к военной операции. Во время проведения тактических стрельб, занятий по тактике и воинским уставам Михеев отличался от других офицеров статью, придирчивым и слегка пренебрежительным отношением к подчинённым и излишним, подчёркнуто-внимательным отношением к собственной внешности. Надо сказать, что был он высок, строен, собой хорош, а его лихому казацкому чубу не хватало места под беретом, он всегда высывался наружу и ниспадал на густые чёрные брови.

— Русские на войне своих не бросают, это наш — русский, так сказать национальный, — принцип. Запомните это навсегда, — внушал Михеев бойцам. Причём говорил он это так часто, что Лёха запомнил.

Здесь, в госпитале, старлей уже нашёл даму сердца. Медсёстры не сводили глаз с лихого офицера, который любил рассказывать, как выводил бойцов из-под обстрела. Но Михеев выбрал себе врача-невропатолога Жанну. Она была яркой крашеной блондинкой, к тому же излишним умом не отличалась. Ну что ж — свинья везде грязь найдёт.

— Послушай, Хас-Магомед. Помнишь, когда мы повстречались с вами, уже вырвавшись из окружения, я просил подобрать раненого солдатика? — Лёха пытался заглянуть в глаза ополченцу, но тот отводил взгляд. — Мы не смогли забрать его, а он плакал и просил не бросать. Вы не подобрали его, Хас-Магомед? Ну что же ты молчишь? А?

— Я помню, Лёша, помню. Когда мы входили в село, на обочине дороги лежало много солдат, но живых среди них не было. У некоторых было перерезано горло, их добивали. Ну, прощай. Да пребудет с тобой Аллах. Удачи тебе, Лёша. — И дагестанец быстро вышел из палаты.

Алексей ещё раз огляделся: на соседней кровати лежал солдат-срочник. Видимо, с серьёзным ранением, так как перебинтован он был с ног до головы и всё время молчал, даже не стонал. Двое ополченцев из Дагестана лежали на койках рядом, переговариваясь на своём языке, иногда косясь влево, где у стены маялся раненый боевик. Он всё время стонал, бредил, с его губ слетали длинные и пространные речи на

арабском языке. Может быть, он повторял про себя суры из Корана, которые, как видно, скоро должны были ему очень пригодиться.

— Как дела, Караваев? — на Лёхину кровать присел взводный Михеев. — Держишься? Ну, держись-держись, молодец! Слыхал? Меня к ордену Мужества представили. Так что теперь всю жизнь ты мне проставляться должен, я тебе её спас.

— Товарищ старший лейтенант, а вы того солдатика помните?

— Какого? — глаза Михеева забежали, он понял, про кого его спрашивают. — Их много в моей жизни было, солдатиков всяких. Всех не упомнишь. А я, брат Караваев, прежде всего свой личный состав должен сохранить. Что я и сделал. Ой, Жанна, идёт. Мне пора. Ну, пока, выздоравливай, солдат. А про этот случай никому ни гугу. А то я злопамятный. — И взводный вышел из палаты.

«Русские на войне своих не бросают. Это наш принцип. Запомните это как молитву!» — Кровь стучала в висках, сердце колотилось под шерстяным одеялом, а слова колоколом бились у Лёхи в голове.

...Отделение выползло из горящего села. Лёхе на спине как будто налили расплавленного свинца. Там всё жгло и болело. Но он полз сам. Рядом тащили Колюху Зверева, тот стонал и, похоже, был без сознания. Впереди мелькала фигура взводного. Он полз, пригнувшись к земле. Иногда оборачивался, кривил от досады лицо и приказывал ползти быстрее.

— Из-за вас погибнем все! — кричал он, срываясь на визг.

Саня и Юрка, тащившие Николая, не обращали на вопли Михеева никакого внимания. Может, им было плевать, а может, они были контужены и не слышали, а может, среди грохота и свиста пуль не могли разобрать в запарке. Да какая разница?

Саня и Юрка остались там, на окраине села. Их скосила пулёмётная очередь. Михеев пропал из виду, а Лёха полз, правой рукой цепляясь за землю, а левой подтаскивая к себе Зверева. Тот был расслаблен, как тряпичная кукла, и не сопротивлялся, но и не помогал.

И вот там-то под горящим БТРом им встретился солдатик. Ноги его были перебиты. Он сначала забился под днище бронемашины, а когда понял, что это свои, начал плакать и просить не бросать его. На несколько секунд Лёха потерял сознание, а когда пришёл в себя, увидел перед собой перекошенное от злобы и страха лицо Михеева.

— Товарищ старший лейтенант, возьмите солдата, а я потащу Колюху.

— Какого Колюху? Какого, я тебя спрашиваю? Бросай его, он всё равно не выживет. А этого, — он показал рукой на срочника, — я вообще трогать не собираюсь. Ты знаешь, что боевики минируют тела убитых и раненых? Я здесь старший и требую выполнять мои приказы! Понял? Что, под трибунал захотел?

— Послушай, старлей, — Лёха в упор смотрел на взводного, — тащи Колюху, а я поползу за тобой. И не дай бог тебе его бросить. Замочу как гниду, — и Лёха показал ему автомат.

Михеев сплюнул и, сверля его глазами, всё-таки потащил Зверева за ворот.

Лёха попробовал волочить солдата за собой, но обессилел.

— Тебя как зовут? — спросил он пересохшими губами.

— Серёга, — всхлипнул тот.

— Послушай, Серёга, я не смогу тебя взять. Возьми мою фляжку, спрячься под БТР. Как только мы доберёмся до своих, я, обещаю тебе, пошлю их за тобой. Ты понял? Я спрашиваю: ты понял, Серёга?

Серёга послушно закивал головой и затих. Лёха пополз вслед за Михеевым. Каждый сантиметр давался ему с трудом, сил не было. На его спине кто-то в кованых сапогах отплясывал краковяк. Во рту пересохло. Поравнявшись с Михеевым, он решил отдышаться. Взводный пил из фляжки, пригнувшись к земле. Он поднял глаза и прошептал:

— Ну, вот и всё. Кранты.

Лёха повернул голову и увидел группу бородачей, вооружённых автоматами.

— Вы кто? Федералы? — спросил один из них. — Мы ополченцы из Дагестана!..

А потом всё было как в тумане. Лёха помнил только чернобородого Хас-Магомед, который нёс его на плечах. Сколько? Он не понимал. Очнулся только в госпитале, лёжа на животе. Ощупав себя, обнаружил, что плотно перевязан бинтами и намазан какими-то мазями. Только наутро ему принесли завтрак и мензурку с таблетками. Та же медсестра сказала, что солдата, который был вместе с ним, увезли вертушкой в Махачкалу, а офицер лежит в соседней палате. Он почти не ранен и скоро вернётся в часть. Она почему-то думала, что Лёху порадуют

эти новости. Но камень, который лежал у него на сердце, стал тяжелее на несколько килограммов.

Вот и сейчас. Была ночь. Лёха не мог уснуть. Как только он закрывал глаза, ему слышалось, как плачет Серёга и просит не бросать его. Потом он видел, как Серёга, глядя ему в глаза и успокоившись, уползает под БТР, прижимая к груди фляжку.

«А ведь я обманул его. Бросил», — подумал Лёха.

Его тихо тронули за плечо. Он обернулся. В темноте палаты над ним стояла сестра в белом халате. Лица её не было видно, но Лёха понял, что никогда не видел эту медсестру.

— Вставай, пойдём, — тихо сказала она.

Лёха попробовал встать и не смог. Боль вернулась.

— Я не могу, — промолвил он.

— Хорошо, спи, — сказала сестра, — я ошиблась. — И она, повернувшись к соседней койке, тронула за плечо солдатика, забинтованного с ног до головы.

Лёха провалился в глубокий сон. Проснулся он только через несколько часов, но кругом все ещё спали. Подъёма не было. Но что же разбудило его? Лёха поднял голову. Два санитаря, стараясь не шуметь, тихо выносили из палаты его соседа, с головой накрытого белой простынёй.

«Забрала, костлявая, — подумал он, — а ведь Михееву ещё долго служить. Он ведь только начал. Скольких ребят по его вине вот так вот вынесут вперёд ногами. Русские своих не бросают? Так, старлей? — Лёха усмехнулся. — Я спасу вас, ребята. Он больше не кинет никого из вас. Никто не погибнет больше по его вине. Русские своих не бросают и не будут бросать».

Лёха вытащил из-под подушки пистолет, передёрнул затвор. Встал, морщась от боли. Спрятал ствол под полы халата и заковылял в соседнюю палату, чтобы наш принцип работал дальше. Работал как часы, и никто не смел в этом усомниться.

Скала

На горы опустился молочный туман, солнце уже скрылось за кручами, и прохлада обволакивала верхушки деревьев.

С перевала шла красивая горянка, она несла на плече серебряный кумган с ледяной водой. Девушка улыбалась Шамилю и приветливо махала рукой. Вот сейчас она подойдёт и даст ему напиться ключевой, холодной, как смерть, воды...

— Командир, проснись, командир. — Шамиля настойчиво трясли за плечо.

— Я не сплю. Что случилось? — Полевой командир открыл глаза и посмотрел на воина в зелёной повязке с арабской вязью, который сразу же смутился и потупил взгляд. — Я спрашиваю, что случилось? Или ты проглотил язык, Ваха?

— Командир, час назад наш передовой отряд нос к носу столкнулся с разведкой русских.

— Потери?

— Нет, наши почти все целы. Русские вышли на поляну неожиданно. Они сразу попали под перекрёстный огонь. Мы перестреляли всех этих шакалов, и даже их командир попал к нам в плен.

— Он что, сдался сам? — Шамиль поднял брови.

— Нет, Шамиль, он ранен. Мы взяли его, когда он был без сознания. Он здесь. Поговоришь с ним или сразу в расход?

— Веди, надо расспросить, где основные силы противника. Вдруг они готовятся взять нас в кольцо. Они стали очень хитрыми в последнее время, эти русские.

Ваха вышел, затем втолкнул в землянку полевого командира молодого бойца в камуфляже болотного цвета типа «шелест» с непокрытой головой.

Шамиль строго оглядел его с ног до головы.

Сколько пленённых врагов он видел за эти четыре года войны... Каждый из них вёл себя по-разному: кто-то падал на колени, кто-то рыдал и молил о пощаде, кто-то начинал сдавать своих, хотя его никто не спрашивал. Встречались и настоящие воины: они молча стояли, опустив голову, и ждали своего смертного часа. Таких Шамиль уважал и просил своих людей убить их быстро.

Но никто, никто и никогда из них не смотрел в глаза своему победителю.

Этот командир разведвзвода держал себя совсем по-другому. Он стоял, слегка согнув одну ногу в колене. Правое плечо и левая нога были неумело перевязаны бинтами. Шуршун местами вымазан коричневой глиной и кровью, на берцы комьями прилипла земля. Светлые рыжеватые волосы растрёпаны. Видно было, что боль мешает ему сосредоточиться, и всё же — он смотрел в глаза Шамиля. Смотрел зелёными очами и не отводил взгляда.

— Что смотришь? — усмехнулся бандит. — Не видел никогда?

— Нет, — просто ответил юноша, — только на фотографиях.

— Похож?

— Да, похож.

— Твоё звание, подразделение, задачи?

— Лейтенант Иванов. Командир взвода полковой разведки. Больше ничего не скажу.

— Если я захочу — скажешь. Ты же не хочешь, чтобы тебе перерезали горло, как овце?

— Нет, Шамиль, я ничего не скажу. Во-первых, практически ничего не знаю такого, что тебе может быть полезным. А во-вторых, я давал присягу и, конечно же, понимаю, что в живых ты меня всё равно не оставишь.

— Понятливый. Но только я всё и так знаю. В то время как ты, как крот, ползаешь по лесам и ущельям, твои начальники за деньги разболтали все секреты. Я знаю перегруппировку ваших войск, где и когда намечены войсковые операции, где выставлены кордоны и пройдут воинские колонны. Просто я хочу подарить тебе несколько минут жизни...

— Зачем мне они, эти несколько минут, — перебил его Иванов, — если они сделают меня трусом?

Лейтенант продолжал смело смотреть на Шамиля зелёными глазами.

— Я хотел попросить тебя об одной услуге, — продолжал он.

— А почему ты решил, что я окажу тебе — своему врагу — какую-то услугу?

— Потому что она не будет тебе стоить ровным счётом ничего, и ещё в память о наших дедах.

— Дедах?

— Да, Шамиль, наши деды воевали против одного и того же врага. Чеченцы и русские — хорошие воины, может быть, лучшие в мире, и, если война постучится в наши двери, они должны воевать вместе, плечом к плечу против общего врага, как это делали наши деды, побеждая фашизм, наши отцы, выполняя интернациональный долг в Афгане. Они и нам завещали то же самое, но мы не поняли и не услышали, мы наплевали на их наказ.

— Хорошо, о чём ты меня хотел просить? — поморщился Шамиль.

— Мои оба деда воевали в Отечественную, отец был военным лётчиком и погиб в Египте, я — офицер и воин в третьем поколении и прошу тебя, Шамиль, не пожалей для меня пули и не режь горло, как барану.

— Это всё?

— Да, это всё.

— Ты смелый человек. Как тебя зовут?

— Володей.

— Я выполню твою просьбу, Володя. Только у меня к тебе есть предложение: сам знаешь, как нелегко сейчас найти хорошего воина. И эти, — Шамиль махнул рукой в сторону, — стоит только эмиссарам не привезти вовремя денег — они разбегаются по горам как крысы. Переходи на мою сторону, лейтенант. Поступишь в мой отряд — сделаю тебя полковником. Будешь командовать разведкой и получать приличные деньги, вчетверо больше, чем платило тебе твоё командование.

— Нет, Шамиль, я говорил тебе, что давал присягу...

— Присяга — это слова...

— Не всегда. Кроме того, мне пришлось бы принять ислам.

— И что тебя останавливает? Станешь нашим братом, перестанешь быть неверным!

— Я родился «неверным». Все мои предки были православными. Я не считаю себя умнее или лучше их. И колокольный перезвон, и треск восковых свечей, и запах ладана — всё моё, и без этого нет жизни для меня. Самое страшное — предать память отцов. Да и нужен ли тебе такой брат, который мечется и с лёгкостью меняет религию, друзей и Родину? Предав один раз, он предаст и в другой. Я не хочу умирать трусом и предателем. Как ты думаешь, не это ли самое страшное?

Шамиль посмотрел в глаза лейтенанту и вздрогнул. Он что, читает его мысли, этот русский? Много раз Шамиль думал о том же. Самое

страшное, что может быть в жизни, — это умереть предателем и трусом. Он прав — этот совсем ещё юный лейтенант. И он твёрд, как скала, несмотря на молодость. Да полно! Человек ли это? Человек должен бояться смерти, а он улыбается. Может быть, это ангел, которого послал ему во искушение русский бог Иса?

Шамиль долго молчал, он думал: вспоминал безоблачную юность, как учился в педагогическом техникуме в Твери, любил русскую девушку Люду, вспомнил родителей, погибших при бомбёжке в первую кампанию, братьев и сестёр, жену и детей, которых война разбросала по городам и весям.

Русский лейтенант разбередил ему сердце.

Шамиль резко поднялся.

— Пойдём, — только и сказал он.

Володя молча последовал за ним. Они шли по тропе среди раскидистых платанов к скале, которая возвышалась на краю леса и уходила кручей высоко вверх.

— Я сам застрелю тебя, — Шамиль шёл первым, — боюсь, что джигиты не выполнят мою просьбу и перережут тебе горло. Слишком уж они злы на вас.

Они подошли к скале. Володя встал впереди, по пальцам его левой руки стекала кровь и тяжёлыми каплями падала на сырую от росы землю. Он расправил плечи, поднял голову и вновь посмотрел в глаза полевому командиру. И вновь дрожь пробежала по телу Шамиля, и он потупил взгляд.

— Отвернись!

— Я не хочу получить пулю в затылок. Стреляй так, — и Володя, взявшись за медный нательный крестик, поднял зелёные глаза вверх, любуясь небом, покрытым тучами, где высоко и свободно, расправив крылья, парил орёл.

Шамиль долго тряс головой, как будто в мозгу засела заноза, затем спрятал «Стечкин» в кобуру и неуверенной походкой, не оглядываясь, двинулся назад в лагерь. Таким полевого командира Шамиля Дадаева не видел никто. Он шёл так, как будто на плечи ему опустили непомерный груз. Может быть, ту скалу, под которой, широко раскинув руки, лежал и смотрел в небо зеленоглазый ангел по имени Володя.